

До реконструкции Садового кольца, еще не стиснутый громадами каменных соседей, дом выглядел внушительно. Шикарные эркеры, лепные балконы... Нарядный, полукругом выгнутый палисадник отделял здание от тротуара... Бельэтаж с длинными балконами на улице занимал сам Пигит. Компания его, владелец гильзовой фабрики Катык (“Покупайте гильзы Катыка!”), разместился на четвертом этаже... Директор Казанской железной дороги Пентка... Управляющий московской конторой императорских театров... фон Бооль (это про него шаляпинское: “Я из него весь “фон” выбью, одна “боль” останется!”). А одно время обитал тут даже миллионер Рябушинский — в огромной художественной студии, снятой якобы для занятий живописью, а на самом деле для внесемейных развлечений...

В 1910 г. вместе с женой Ольгой Васильевной и детьми Наташей и Мишей сюда въехал Петр Петрович Кончаловский... К Кончаловским потянулись со всех сторон люди искусства: Шаляпин, пианисты Боровский, Игумнов, Орлов, скульптор Коненков. Живал здесь (и подолгу)... Василий Иванович Суриков (отец Ольги Васильевны)... Многие знаменитости перебивали и в студии Кончаловского: Качалов, Москвин, Гельцер, Голованов и Нежданова... Сергей Прокофьев, Алексей Толстой... За столом собиралась группа живописцев, известная под названием “Бубновый валет”. Кроме самого Кончаловского туда входили такие первоклассные художники, как Фальк, Лентулов, Куприн, Рождественский, Осьмеркин».

Кстати, упоминавшийся выше Катык был одним из отцов-основателей креативной рекламы. В частности, газета

«Руль» писала в 1909 году: «Изобретательные предприниматели снимают свои предприятия во время производства работы и бесплатно раздают ленты-снимки в электрические театры, которые включают их в свои программы. Так сделала гильзовая фабрика “Катык”, в настоящее время намерены так же поступать и другие фирмы. В настоящее время происходят синематографические снимки на фабриках Прохоровской мануфактуры, Эйнем и чайной фирмы Высоцкого. Ведет переговоры об этом и газета “Русское слово”.

В Москве организуется бюро для сочинения промышленных синематографических реклам; так как снятие одного производства работ и внутренности фабрик делает картину скучной, то намереваются с ним связывать сцены драматического и комического содержания».

Реклама же «Катыка» сообщала: «Каждая сотня наших гильз для удобства Гг. курящих снабжена гигроскопическ. химически очищенной ватой, уничтожающей никотин табака».

Самым же известным жителем этого дома был писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. Он сначала жил в подъезде слева, в квартире № 50, а потом переехал в подъезд справа и стал жить напротив своей бывшей квартиры. Дом послужил местом, где Булгаков размещал своих многочисленных литературных героев, в первую очередь «Мастера и Маргариты».

История вселения в тот дом описана Булгаковым в рассказе «Воспоминание...». Формально он посвящен Ленину, однако же в действительности в нем описывает бедственное положение Михаила Афанасьевича, только что приехавшего в столицу, и роль Крупской в его избавлении от бед: «Я от-

правился в жилотдел и простоял в очереди 6 часов. В начале седьмого часа я в хвосте людей, подобных мне, вошел в кабинет, где мне сказали, что я могу получить комнату через два месяца.

В двух месяцах приблизительно 60 ночей, и меня очень интересовал вопрос, где я их проведу. Пять из этих ночей, впрочем, можно было отбросить: у меня было пять знакомых семейств в Москве. Два раза я спал на кушетке в передней, два раза — на стульях и один раз — на газовой плите. А на шестую ночь я пошел ночевать на Пречистенский бульвар. Он очень красив, этот бульвар, в ноябре месяце, но ночевать на нем нельзя больше одной ночи в это время. Каждый, кто желает, может в этом убедиться. Ранним утром, лишь только небо над громадными куполами побледнело, я взял чемоданчик, покрывшийся серебряным инеем, и отправился на Брянский вокзал. Единственно, чего я хотел после ночевки на бульваре, — это покинуть Москву. Без всякого сожаления я оставлял рыжую крупу в мешке и ноябрьское жалованье, которое мне должны были выдавать в феврале. Купола, крыши, окна и московские люди были мне ненавистны, и я шел на Брянский вокзал».

Но приятель, встреченный счастливым образом у Брянского (ныне Белорусского) вокзала, приютил писателя. Осталось только прописаться.

Правда, прописывать Булгакова никто не собирался. Тогда он записался на прием к Надежде Крупской: «В три часа дня я вошел в кабинет. На письменном столе стоял телефонный аппарат. Надежда Константиновна в вытертой какой-то меховой кацавейке вышла из-за стола и посмотрела на мой полушубок.

— Вы что хотите? — спросила она, разглядев в моих руках знаменитый лист.

— Я ничего не хочу на свете, кроме одного — совместного жительства. Меня хотят выгнать. У меня нет никаких надежд ни на кого, кроме Председателя Совета Народных Комиссаров. Убедительно вас прошу передать ему это заявление.

И я вручил ей мой лист.

Она прочитала его.

— Нет, — сказала она, — такую штуку подавать Председателю Совета Народных Комиссаров?

— Что же мне делать? — спросил я и уронил шапку.

Надежда Константиновна взяла мой лист и написала сбоку красными чернилами:

Прошу дать ордер на совместное жительство.

И подписала:

Ульянова.

Точка.

Самое главное то, что я забыл ее поблагодарить.

Забыл.

Криво надел шапку и вышел.

Забыл».

В результате Михаил Афанасьевич сделался полноценным жителем квартиры № 50 дома по улице Большой Садовой, 10. Куда впоследствии привел и свою первую супругу, Татьяну Николаевну, урожденную Лаппа.

Булгаков сообщил в письме сестре: «Самый ужасный вопрос в Москве — квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем Земским. Больш. Садовая, 10, кв. 50.

Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот».

А Татьяна Николаевна описывала, как создавался здешний быт: «В комнате этой была уже мебель — два шкафчика, письменный стол ореховый, диван, большое зеркало, походная кровать складная, два шкафчика, кресло дырявое... Была даже кое-какая посуда — супник белый. А ели мы сначала на белом кухонном шкафчике. Потом однажды я шла по Москве и слышу: “Тасенька, здравствуй!” Это была жена саратовского казначея. Она позвала меня к себе: “Пойдем — у меня же твоя родительская мебель”. Оказывается, она вывезла из Саратова мебель, в том числе стол родителей. Стол был ореховый, овальный, на гнутых ножках. Мы пошли с Михаилом, ему стол очень понравился, и мы его взяли и взяли еще наше собрание сочинений Данилевского в хороших переплетках... Стол был бабушки со стороны отца, а ей достался от кого-то из предков... Потом мы купили длинную книжную полку — боковинами ее были два сфинкса — и повесили ее над письменным столом.

Как-то один еврей привез какому-то из пигитских рабочих мебель. А того то ли дома не было, то ли он не взял — постучал в нашу дверь: “Не нужна мебель?” Меня тогда не было, уезжала, наверно, к сестре. Булгаков посмотрел, мебель ему понравилась. И дешево продавали, а он как раз получил тогда за что-то деньги. Это была будуарная мебель во французском стиле — шелковая светло-зеленая обивка в мелкий красный цветочек. Диванчик, кресло, два мягких стула, туалетный столик с бахромой... Два мягких пуфа.